

ОЛЬГА ИВАЩУК*

DOUBLE-BIND КАК ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ ЭКВИВАЛЕНТ ПРОТИВОРЕЧИЯ В МЕТОДОЛОГИИ СОЦИАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ**

Получено: 13.07.2023. Рецензировано: 30.12.2023. Принято: 10.04.2024.

Аннотация: В статье предпринимается попытка сравнить две методологические фигуры, ядром которых является логическое противоречие: введенную Г. Бейтсоном конструкцию *double-bind*, работа с которой нацелена на устранение противоречия с помощью расселовской теории типов, и гегелевскую логическую форму противоречия, работа с которой предполагает культуру движения в противоречии и умение его разрешать. Оба метода оказались очень продуктивны в широком спектре социо-антропологических исследований XX века на Западе и в России, и оба вводились в действие в решающий момент при моделировании таких сложных феноменов, как психическая патология (Г. Бейтсон) / обучение слепоглухих (Мещеряков-Ильенков), творчество (Н. Элиас) / Э. Ильенков, отношения социального могущества, связывающие человеческих индивидов как имеющих общественную природу (марксистское по истокам понятие *aperto homine* у Н. Элиаса / марксов «ансамбль общественных отношений» у Э. Ильенкова / двойственность практик представления себя другим у И. Гофмана / противоречивость идеального как представления у Ильенкова). Анализируя способы исследовательской работы, которые предписывает *double-bind* или противоречие как философская категория, автор прослеживает, к каким различиям на «выходе» приводит различие этих подходов на «входе». Решающее из этих различий видится в том, что методология, толкующая *double-bind* лишь негативно, ограничивает анализ механизмами социального производства зла, тогда как методология разрешения противоречий помимо этого демонстрирует состоятельность в постановке и решении вопросов о социальном производстве творческой индивидуальности или высоких культурных образцов.

Ключевые слова: *homines aperti*, *double-bind*, *power-balance*, противоречие, шизофрения, тифлосурдопедагогика, способность суждения, талант, творчество.

DOI: 10.17323/2587-8719-2024-2-183-201.

ВВЕДЕНИЕ. НОМО CLAUSUS VS HOMINES APERTI

В социологии не существует признанной «центральной теории», как называют это сторонники Н. Элиаса (Loyal & Quilley, 2004: 76 ff), но

*Иващук Ольга Федоровна, д. филос. н., профессор, Российская академия народного хозяйства и госслужбы при Президенте РФ (Москва), ofi@list.ru, ORCID: 0000-0002-9383-9141.

**© Иващук, О. Ф. © Философия. Журнал Высшей школы экономики.

существует, как некая асимптота, идея дисциплинарного единства. Соответствовать ей, т. е. быть дисциплинарным интегратором, могла бы притязать только такая теория, для которой противоположности «социогенезис и психогенезис всегда нерасторжимы» (Mennell, 2015: 553): иначе она не могла бы охватить всю широту социологического предметного поля. В ее отсутствие эту роль выполняет целое множество исследований, тяготеющих к этой асимптоте. Парадоксально, но, как правило, исследования этого рода являются пограничными и междисциплинарными, т. е. так или иначе не вписываются в институционально закрепленные, внешние предмету дисциплинарные коридоры. С. Квилли и С. Лойял описывают это множество как воплощение «большой международной, межперспективной и межпоколенческой преемственности теоретизирования и исследования» (Loyal & Quilley, 2004: 2) и включают в эту преемственность

в частности, марксистскую и веберианскую историческую социологию капитализма; традицию символического интеракционизма, связанную с Джорджем Гербертом Мидом через Герберта Блюмера и Ирвинга Гоффмана; во Франции — традицию, вылившуюся в творчество Пьера Бурдьё и его школы (ibid.).

От себя к этому списку хочется добавить некоторые работы Г. Бейтсона, например, исследования о шизофрении (Бейтсон, Федотов и Папуш, 2000: 172, 253), поскольку он стремится описать патогенное поведение не как имеющее индивидуально-биологический источник, но как уместное в определенной социальной ситуации и, следовательно, имеющее социальный генезис, что явно соответствует установкам «центральной теории».

Нетрудно увидеть, что поскольку все упомянутые исследования разделяют предпосылку нерасторжимости психогенеза и социогенеза, а она противостоит методологическому индивидуализму и восходит к гегелевскому и марксову пониманию человека как *Gemeinwesen* или «ансамбля общественных отношений», то все эти исследования так или иначе объективно тяготеют к идеалу *homines aperti* в противовес *homo clausus* (Elias, 2012: 126), критически отстраняясь (хотя не всегда последовательно) от закрытого одинокого индивида картезианской установки, выступает ли он в виде *homo oeconomicus*, *homo sociologicus* или другим подобным образом.

Понимание человека как множественного и открытого другим, себе подобным, как *homines aperti*, убедительно продемонстрировало в социологии свою продуктивность. Но упомянутые исследовательские про-

граммы, даже не отторгая Маркса, по большей части удивительным образом стремятся обойтись без Гегеля, в том числе потому, что теории научно-технической эры, возникая как «позитивные», противопоставили себя спекулятивным вымыслам философии. В этом один из смыслов поиска «центральной теории»: она «центральная» и в мертоновском значении «теории срединного уровня», т. е. эмпирически состоятельной. Отчасти это противопоставление шло в русле марксовской критики гегельянства, но, в отличие от Маркса, который не отбросил, но отточил гегелевский диалектический метод, критика, исходившая от «позитивных» ученых, выплеснула с водой спекуляции и ребенка — противоречие как метод, приписав его трансценденталистским ухищрениям, против которых оно на самом деле было направлено (Ивашук, 2020).

Противоречие, разработанное у Гегеля, — это форма логически легитимного выхода за пределы одинокого *Cogito* объективирующей установки наук — к другой субъективности, и потому теория человека как ансамбля многих субъективностей, связанных в своем воспроизводстве сетью социального взаимодействия, без противоречия как положительного метода невозможна.

Отсюда возникает вопрос: как же удастся без противоречия избежать замыкания в *homo clausus*?

Оказалось, что существует своего рода функциональный эквивалент, который так или иначе используется всеми упомянутыми теоретиками и объединяет всех их как общий фокус, вокруг которого их поиски вращаются по сколь угодно вытянутым и непересекающимся орбитам. Этот эквивалент — введенная Грегори Бейтсоном конструкция *double-bind* (Бейтсон, Федотов и Папуш, 2000: 14), которая у Элиаса стала «фигурацией *Doppelbindung*» (в английских переводах — «*Double-bind figuration*») (Elias, 2005: 91–92¹; Elias, 1987: 48, 49, 74, 85 ff). Прежде всего эта конструкция понадобилась и оказалась многообещающей для объяснения причин психических заболеваний и генезиса таланта.

Ниже представлена попытка соотнести способы подхода к сложным социальным феноменам, с одной стороны, с помощью *double-bind*, и, с другой стороны, с помощью логической фигуры противоречия. Последнее имело место в отечественных анналах, где в качестве параллели, или гомологии, западным исследованиям с интересующей нас точки зрения

¹В русском переводе этот термин оказался потерян. В очередной раз Н. Элиасу не везет с переводом терминологии. В русскоязычной версии его «Процесса цивилизаций» в основном тексте отсутствует термин «фигурация».

представляются релевантными, несмотря на другую дисциплинарную прописку, поиски Э. В. Ильенкова и команды А. И. Мещерякова.

Предпринятое сравнение покажет, к каким различиям «на выходе» приводит различие ипостасей противоречия — понимаемого как *double-bind* и как логическая категория — «на входе».

DOUBLE-BIND КАК УСЛОВИЕ РАЗРУШЕНИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ПСИХИКИ

Double-bind — трудно переводимая конструкция, что это такое — лучше показать сразу на модели. Ввел термин Грегори Бейтсон в 1956 г. в исследовании по психиатрии во время выполнения грантового мультидисциплинарного проекта, призванного достичь продвижения в терапии шизофрении. У руководимой Г. Бейтсоном команды исследователей родилась тогда этиологическая гипотеза, вобравшая результаты, которые соответствовали «таким различным областям знания, как социальная антропология, анализ коммуникации, психотерапия, психиатрия и психоанализ» (Бейтсон, Федотов и Папуш, 2000: 169), а также системный анализ и расселовская теория логических типов.

Бейтсон предположил, что шизофрения возникает в результате систематического повторения ситуации, в которой человек не может провести жизненно важных для него различий между логическими уровнями смысла высказывания: буквальным смыслом речевого послания и его же более общим смыслом, задаваемым не прямо, а через контекст. Такие различия жизненно важны уже для животных: например, в игре им важно сообщить, что они показывают клыки, играя, иначе игра может превратиться в смертельный поединок. Это сообщение, если пользоваться терминами расселовской теории типов, происходит на мета-уровне. Лишь доступ к мета-уровню коммуникации позволяет различить смысл речи. И если вербально выраженное входит в противоречие со своим мета-уровневым дополнением, то тот, к кому обращена такая коммуникация, попадает в ловушку двусмысленности, становится жертвой *double-bind*.

Например, для ребенка, который полностью зависит от матери, жизненно важно получать от нее подкрепляющие доверие выражения ее любви. Но в то же время в их коммуникации возникает, притом регулярно, расселовский «брадобрей», который должен/не должен «брить сам себя» (Russel, 2010: 101) — ситуация, в которой мать будет эмоционально отстраняться (и наказывать попытки сближения с ней) и при этом настаивать, что это должно толковаться как проявление любви же. В результате для ребенка возникают два взаимоисключающих послания:

- (1) «Я тебя люблю» (декларация интеграции);
- (2) «Не смей сокращать дистанцию между нами» (жест отторжения)— послание на более общем, невербальном уровне, разница уровней исключает контроверзу, но ребенок не умеет различать логические типы, и угроза наказания удерживает его на непосредственном уровне.

Для ребенка возникает противоречие, которое его дезориентирует: ребенок-жертва не знает, что в действительности значат и к чему побуждают обращенные к нему послания. Выход на мета-уровень позволил бы обсудить и устранить противоречие, но он чреват наказанием, запрещен. Запрет защищает от разоблачения мать, которая использует дезориентирующую ребенка ситуацию противоречия, чтобы обеспечить его подчинение.

Тогда сценарии развития шизофрении становятся логически предсказуемы как возможные защитные стратегии жертвы:

(а) воспринимать и реагировать только на буквально вербализованный смысл. Эта стратегия разветвляется на две возможности.

Первая (а.1) — выход в *паранойю*, когда пациент начинает видеть опасность в любом вербализованном содержании. Тогда, защищая себя, жертва будет отвечать, учитывая только буквальный смысл высказываний. Что получается в результате — Г. Бейтсон показывает на примере истории в одном больничном отделении, где заведующий отделением

повесил на дверях своего кабинета табличку: «Кабинет заведующего отделением. Пожалуйста, стучите». Вскоре он был доведен до отчаяния послушным пациентом, который проходя мимо каждый раз старательно стучал в дверь (Бейтсон, Федотов и Папуш, 2000: 174).

Г. Бейтсон показывает, что такая реакция гомологична реакции вполне здорового человека, застигнутого в неудобной для себя ситуации вежливо завуалированным вопросом: защищаясь, он будет игнорировать подразумеваемый смысл и отвечать только на буквальный (там же).

Или (а.2) защита принимает форму *гебефренического* типа реакции, когда, не в силах уловить смысл метакоммуникации, человек на все расхождения с прямым текстом реагирует как на несущественное, смехом.

(б) Поскольку физически покинуть ситуацию нельзя, можно выдумать фантастический мир и утверждать, что это не я (совершаю наказуемую попытку, например, пытаюсь уличить сильную сторону), сам я в другом месте — собственно *схизма*, появление других персон в одном человеке.

(в) Перестать реагировать на любые обращения, сделать вид, что не слышишь их — *регрессия*. *Кататонический* тип проявления.

Отсюда метод лечения: помочь жертве различить уровни абстракции, развести стороны противоречия между непосредственным и метауровнем коммуникации и избавиться от него как от ложной угрозы, возложив вину за свои напряжения на источник путаницы, которым в нашем примере оказывается «шизофреногенная мать», ведь это из-за ее противоречивого определения ситуации ребенок страдал.

Иногда психиатрам удавалось помочь жертве — вооружить ребенка инструментами анализа, которые приводили к обвинению матери, и тогда срыв начинался у матери. Психотерапия вращалась в кругу. Выходом из него казалась семейная терапия. Но ведь и семья не последняя инстанция, которая генерирует противоречия. Дальнейшие источники злонамеренности логично возвести к месту работы членов семьи, конкуренции работодателей, затем к государству, затем к международной конкуренции и т. д. — дальше окажется, что здоровых среди человеческих индивидов просто нет, мир — огромная психбольница.

Но, если бы мир удалось вылечить, оказалось бы, что той только ценой, что в нем отсутствует также «юмор, искусство, поэзия и т. д.», поскольку теория *double-bind* «не делает разницы между этими подвидами» (Бейтсон, Федотов и Папуш, 2000: 217) своего предмета.

Позднейшая психиатрия должна была признать, что гипотеза не оправдывает ожиданий. Но, несмотря на ложность, гипотеза остается притягательной, поскольку она все же улавливает нечто существенное и потому «дает надежду на более функциональные пути» (Gibney, 2006: 48). Что же именно она улавливает?

DOUBLE-BIND КАК УСЛОВИЕ СОЗИДАНИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ПСИХИКИ

Разбираться с теорией *double-bind* лучше с помощью контрпримера, в качестве которого как точный антитип бейтсоновской модели просто напрашивается случай родителей потерявшего в раннем детстве слух Юрия Лернера, который в 1963 г. стал одним из воспитанников Загорского Детского дома для слепоглухонемых при Институте дефектологии АН СССР.

Михаил Зиновьевич Лернер, пришедший в лабораторию Р. А. Лурии, на базе которой предстояло возникнуть этому Детскому дому, вспоминает, что при первой же встрече, помимо указаний о том, как организовать повседневный быт семьи, И. А. Соколянский дал ему категорическое указание,

чтобы родители старались умерить до минимума проявление эмоциональных чувств к ребенку, отказывались бы от каких-либо ласк и других форм проявления своей любви. Он все время подчеркивал, что жизнь ребенку предстоит суровая, трудная и потребует от него напряжения всех внутренних психологических и психических сил, к этому надо ребенка готовить настойчиво и бескомпромиссно... (Лернер, 2000).

Между тем, родителям надо было объяснить ребенку, что их суровость проистекает из любви к нему, чтобы он следовал их трудным заданиям. И дело не ограничилось одной семьей и одним ребенком. Описанная ситуация повторилась, притом серийно, в так называемом Загорском эксперименте. Но у теоретиков, которым пришлось иметь с нею дело, были противоположные бейтсоновским логические приоритеты.

Они полагали, что такая ситуация, наверное, может свести с ума павловскую собаку (павловскую, поскольку только в лаборатории Павлова собака обездвижена и лишена всякой инициативы), но собственно человек отсюда только начинается. Ничто другое не дает человеку выхода на более высокий (мета) уровень, туда попасть можно, как говаривал Сократ, только «через ворота противоречия». Ничто другое кроме этой ситуации не делает человека свободным, потому что именно выдерживая напряжение противоречия и *разрешая его собственным* усилием (а никто другой и не может выдерживать напряжение моего противоречия), человек творит *общий* мир, усложняет и обогащает его структуры.

В этом усматривает Ильенков смысл того приема, к необходимости которого пришел Мещеряков, когда понял, что для создания собственно человеческой психики надо «разорвать» уже сложившуюся связь «между организмом и предметами его органических нужд», что

весь фокус состоит в том, чтобы [...] поставить между ними препятствие, которое этот организм принципиально не мог бы преодолеть за счет перемещения собственного тела в пространстве, то есть тем способом, который в принципе доступен любому животному (Ильенков, 2009: 98).

Контакт, подлежащий разрыву — это *жизненно важный* контакт. Ильенков характеризует проблему так: «либо осуществи переход к *человеческому* способу удовлетворения органической нужды, либо сдохни» (там же). И, как и в описанной Бейтсоном ситуации, наказуемым оказывается и (1) разрыв такого контакта, т. к. он угрожает жизни, противодействует стремлению себя сохранить, и (2) отсутствие разрыва, т. к. оно наказуется любой жизненной ситуацией в дальнейшем развитии ребенка, потому что родительское потакание беспомощности,

забота лишь о том, чтобы уберечь жизнеобеспечивающую связь, когда взрослые становятся обслуживающим придатком ребенка, ухаживая за ним, как за растением, тем самым и превращает его в такое растениеподобное существо. Как и в описании Бейтсона, в педагогике Мещерякова покинуть ситуацию разрыва живое существо не может. Более того, этот разрыв представляет собой не какую-то исключительную или одноразовую ситуацию, но систематический способ жизни.

Таким образом, перед нами *double-bind* в чистом виде. Значит, мы должны бы ждать на выходе психотика? Но «эксперимент» Мещерякова дал прямо противоположные результаты. Мы знаем, что команде Мещерякова, включавшей и Ильенкова, удалось в условиях, которые в оптике сторонников концепции *double-bind* являлись полнотой условий для психопатологического результата (можно добавить: в «тотальном институте» — Загорском интернате, где воспитанники на исходном рубеже полностью зависели от персонала и института в целом — но не остались в этой зависимости!), воспитать полноценных, достаточно самостоятельных, чтобы состояться в жизни, сограждан.

Что обусловило эту разницу стратегий и результатов?

DOUBLE-BIND И ПРОТИВОРЕЧИЕ

В самом общем виде ответ таков: и значимость бейтсоновского конструкта, и разница в результатах его использования Бейтсоном и Мещеряковым определяется пониманием *противоречия* и полярным отношением к нему. Стратегия Г. Бейтсона реализует логику его запрета, его появление трактуется как ложь, которую требуется изобличить и устранить. Терапевтическая помощь с этой точки зрения заключается в том, чтобы изъять пациента из ситуации противоречия. Стратегия Ильенкова-Мещерякова реализует логику противоречия как фундаментальной характеристики самой действительности, и потому логического условия истины в познании и адекватности в поведении. И эта стратегия обязывает не изъять, но корректно ввести ученика в ситуацию противоречия, точнее, научить двигаться в нем, чтобы найти опосредствование, которое это противоречие разрешит. Причем отработка поиска форм опосредствования идет с самого первого совместно-разделенного действия, в котором взрослый, конечно, готов прийти на помощь, чтобы цель жизнеобеспечивающего действия была достигнута, но никогда не спешит выполнять действие *вместо* воспитанника. Мещеряков и Ильенков делают на этом акцент: не перехватывать, а пробуждать инициативу

ребенка в проблемной ситуации. Существенно, что работа в этом направлении начинается с формирования навыков *самообслуживания*, т. е. с самого начала ребенку помогают достичь автономии, свободного движения в человеческом мире. Первые действия осуществляются как кормление (ложкой), одевание и т. д. ребенка его же руками, и как только отдельные элементы навыка позволяют достигать результата,

возникают первые попытки сделать движение самостоятельно... Тут очень важно не пропустить и не угасить этих первых проявлений самостоятельности... Возникшая активность легко гасится, если взрослый сам начинает выполнять за него нужное действие... и в том случае, когда она не подкрепляется достижением цели... Воспитатель [...] строит процесс обучения таким образом, чтобы давать самостоятельность ребенку в тех движениях, которыми он уже овладел (Мещеряков, 1968: 112–114).

Таким образом, помещая ребенка в контролируемую ситуацию «либо осуществи переход к *человеческому* способу удовлетворения органической нужды, либо сдохни», его именно благодаря тому не оставляют в дезориентации, что те формы, в которых он начинает двигаться, одновременно обеспечивают и его выживание, и обретение им всеобщего горизонта — ведь препятствие, разорвавшее контакт с предпосылками жизни, оказалось такого рода, что оно

одновременно было [...] мостом, или, так сказать, шлагбаумом, между животной и человеческой жизнедеятельностью, а тем самым — между биологической (животной) и специально-человеческой формой психики. Таким препятствием-мостом является любой предмет, созданный человеком для человека, любое искусственно изготовленное орудие, которое человек помещает между собою и предметом своей органической нужды.

Например — *ложка*. Это и есть пропуск в царство человеческой — социальной — культуры, в сферу человеческой жизнедеятельности и психики (Ильенков, 2009: 98).

С такой точки зрения *double-bind* — вовсе не синоним лжи в познании или поведении, как это фиксирует сам выбор термина², это, напротив, условие обретения истины и даже вся истина и просто норма собственно человеческой жизни. В этом пункте подход Ильенкова и Мещерякова обнаруживает актуальность гегелевского метода, в котором противоречие составляет

²В большинстве вариантов перевода на русский слова *double* переводчики Д. Я. Федотов, М. П. Папуш демонстрируют присутствие оттенка лжи (Бейтсон, Федотов и Папуш, 2000: 6–7).

глубочайший источник всякой деятельности, живого и духовного самодвижения, диалектическая душа, которую все истинное имеет в самом себе и через которую оно только и есть истина (Гегель, Столпнер, 1972: 301).

С этой точки зрения видно, что противоречие или *double-bind* не генерирует симптом само по себе, а только если противоречие отрезается от его разрешения. Расселовская логика, хорошо вскрывая противоречие как исток предметного определения и в формировании психики, и в теории множеств, не умеет с ним работать в направлении разрешения, только умеет запрещать, тем самым и отрезая от разрешения. Вывести пациента за пределы *double-bind* означает отрезать его от самой возможности быть самоопределяющимся, т. е. творческим, субъектом. Другими словами, это означает объективировать его, свести к одностороннему вещному бытию с предписанной регламентом траекторией. Сохранить за ним прерогативу самоопределения, специфику человеческого, субъектного, бытия, минуя «ворота противоречия», невозможно.

Тогда слабым звеном в бейтсоновской проблеме оказывается вовсе не материнская недобросовестность, не мать, которая помещает ребенка в ситуацию противоречия, виновна в разрушении личности ребенка (в эту ситуацию с необходимостью помещает *нас всех* сама жизнь) — но те *социально генерируемые препятствия*, которые мешают даже подступиться к его *разрешению*.

Отсюда последовательно вскрываются проблемы:

(1) как осуществляется разрешение, что позволяет индивиду в ситуации подрыва животной характеристики, т. е. угрозы жизни, не погибнуть, не уйти в патологию, а стать полноценной здоровой, творческой и потому свободной человеческой индивидуальностью?

На этот вопрос отвечает методика А. И. Мещерякова, в которой главным является использование органической *нужды* для формирования человеческой *потребности*. Воспитатели, в своем лице воплощающие тот изначально в человеческом организме недостающий орган, без которого человеческий ребенок не является даже индивидом (букв.: целым, не распадающимся на части), т. е. попросту не может жить, через совместно-разделенную деятельность по удовлетворению органической нужды побуждают ребенка освоить выработанные человечеством небиологические формы ее удовлетворения — т. е. формы, с самого начала интегрирующие *любого другого — в субъекта*, поскольку изначально человеческий ребенок, как выяснилось, таковым не является. Сами формы и их необходимая последовательность как раз выявились, как

«в замедленной киносъемке», в воспитании ребенка, в котором из-за слепоглухоты «само» не прививается ничего.

Тут выступает «третий аспект бесед» М. Лернера с профессором Соколянским: «Труд... должен быть стержнем человеческого бытия» (Лернер, 2000) как деятельность в формах, которые противоположны животным, выработанным природной эволюцией формам удовлетворения биологических потребностей, которые являются не формами управления «биологической жизнедеятельностью организма вида *homo sapiens*» (Ильенков, 2009: 98–99), а формами «управления *сложнейшей системой внешних предметов*, составляющих, по выражению Маркса, *неорганическое тело человека*» (там же), человека-ансамбля, *aperto homini*, и потому они «никак не могли и не могут быть заранее предусмотрены строением внутренних органов человеческого тела» (там же). Это формы, избавляющие человеческого индивида от власти естественной необходимости, потому что лишь они позволяют относиться к миру не с точки зрения своей органической нужды, но с точки зрения другого — любого другого — человека, иными словами, в горизонте всеобщего, или мышления. Осуществляя себя тем или иным исторически выработанным всеобщим способом, т. е. в формах, размыкающих индивида во всеобщее общение с себе подобными, интегрирующих индивида в его социальное целое, человеческий индивид является воплощенным противоречием, значит, творцом, потому что вынужден своей жизнедеятельностью-историей опосредствовать полюса этой антиномии. Потеря хотя бы одной из ее сторон вместо удерживающего их единства творческого опосредствования означает вырождение поведения человека в ту или иную его превращенную форму — патологию, зло, в том числе банальное. Такой разворот проблемы диктует дальнейший вопрос.

(2) Что именно препятствует продуктивному разрешению противоречия, затягивая узел *double-bind* патологически?

DOUBLE-BIND И ФИГУРАЦИОННАЯ ПРОБЛЕМАТИКА

Первое среди таких социально генерируемых препятствий нормальному человеческому развитию — исключение самой возможности осознать то, что противоречие — это корень всякой самости, всякого сопротивления объективации, который разрушительным делается только тогда, когда его нормальное развертывание и разрешение сознательно или бессознательно блокируют.

Что заставляет талантливых и грамотных теоретиков (т. е. не отрезанных от доступа к способам получения знания) отрицать или игнорировать логику продуктивного разрешения противоречия и из самых высоких побуждений следовать и самим работать на создание превращенной видимости — об этом хорошо писал П. Бурдьё. Социальный механизм, переключающий теоретиков на объективацию тем вернее, чем выше теоретик в иерархии своего специфического поля, он назвал *scholastic fallacy* (Бурдьё, Кралечкин, 2019: 294).

Вслед за этим возникает вопрос, который Ильенков формулировал так: что обрекает большинство на

незавидную роль пассивного материала, через насильственное формирование которого реализует себя мощь и сила (*Macht*) других индивидов — Цезарей и Бонапартов, Кантов и Ньютонов и т. д... баловней судьбы? (Ильенков, 1991: 379).

За его распутывание он успел только взяться, но компас его метода (противоречие), как и у Бурдьё, указывает на своего рода универсальную политическую экономию — экономику баланса власти / социальной силы (в терминах Элиаса и Бурдьё соответственно, чьи учения в этом пункте оказываются взаимопереводимыми). В гомологии с П. Бурдьё Ильенков указывал на школу, как на место, где в «не-нормальных» общественных условиях от значительной части индивидов *отрезается доступ* к овладению определенными культурными инструментами.

Если П. Бурдьё и И. Гофман (Бурдьё и Пассерон, Шматко, 2007; Гофман, Салин, 2019) показали, что система современных образовательных институций ради собственного воспроизводства вовлекает аудиторию в игру по правилам, которые гарантируют *перевес социального могущества* персонала и инстанций, делегирующих персоналу авторитет, — то Ильенков показал, *благодаря чему* эти правила отклоняют работу образовательной институции от культивирования здоровой инициативы аудитории по сборке своей, в том числе поврежденной, самости и направляются на ее объективацию, а именно: они отсекают возможности самостоятельного поиска путей *разрешения* того *double-bind*, в который аудитория оказалась втянута. С нею работают ради *привития навыка замещения всего противоречия — одной из его сторон*, и именно это замещение обеспечивает перевес силы.

Этот механизм глубокого повреждения психики Ильенков демонстрирует, практически как социолог, на институциональной модели, ему

на тот момент доступной — на образовательной системе, взявшей на вооружение «принцип наглядности обучения»:

Видимое благополучие при этом достигается, но болезнь поражает при этом более глубоко лежащие — и более важные — «органы познания». И прежде всего — *способность воображения* в той ее важнейшей функции, которую еще И. Кант назвал «способностью суждения»...

Эту способность школа зачастую не только не развивает там, где она уже как-то возникла, но и активно умерщвляет ее...

Воспроизводить уже готовые — уже получившие гражданство в языке — образы ученик таким путем научается. *Производить* образ — нет... «знание», усваиваемое на уроке, внушается ему как готовое абстрактное «правило», которому он *обязан, должен, вынужден* подчинять свои действия внутри строго определенных условий школьных задач, чтобы добиться решения этих задач, часто вовсе ему не интересных (Ильенков, 1991: 383–386).

И более того, которые не в его интересах, ведь это правила, которые учат подчиняться, не раздумывая, — и это не просчет массовой школы, а ее назначение. В самом деле, эти «формулы» ему в итоге удается успешно «применять» только там и тогда, [...] где жизнь уже организована „по науке“» (там же: 386), — точнее, где жизнь уже организована в чужих интересах — а она так организована для него всюду, где перепад власти значительно отклоняется от нуля, поэтому, когда он применяет эти правила успешно, он сковывает себя в чужих интересах. И ему это даже удобно — этот габитус позволяет в отведенных пределах воспроизводиться и ему, но едва ли развиваться. В таком обучении «воспитывают психический аппарат, с помощью которого человек, глядя *на предмет*, видит (наглядно представляет) в нем лишь то, что он уже знает с *чужих слов*» (там же) — и остается незрелым, несовершеннолетним в кантовском смысле, социально некомпетентным, «бесформенной массой», «которая не знает, чего она хочет» (Гегель, Столшнер и Левина, 1990: 320, 340) и может только подчиняться.

После воздействия этого механизма массовой депривации социальной силы, с которым человек эпохи модерна встречается еще ребенком, процессы, деформирующие способность суждения, которые анализировали Х. Арендт (Арендт, Кастальский и Рудницкая, 2008), З. Бауман (Бауман, Кастальский и Рудаков, 2010), С. Милгрэм (Милгрэм, Ястребов, 2016) и Ф. Зимбардо (Зимбардо, Стативка, 2013), находят хорошо подготовленную почву, без которой их нельзя было бы пустить в ход. И это

заставляет предположить, что школа у Ильенкова — не просто случайно оказавшийся доступным изучению институт, но как раз место, где в долгосрочной (*long-term*) перспективе решается исход исторического переопределения баланса власти.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Напоследок отметим, что конструкция *double-bind* успела претерпеть эволюцию — от ситуации коммуникативной ловушки у Г. Бейтсона — до фигурации, которая обнаруживает признаки положительной порождающей модели, сближающей ее с ильенковским пониманием противоречия, в «постфилософской социологии», начиная с Н. Элиаса. И хотя в своем позднем теоретико-познавательном труде он описывает *double-bind* с помощью образа гибельной воронки Мальстрема (Elias, 1987: 45–46) из новеллы Э. По (По, Богословская, 1976), Н. Элиас явно перестраивает бейтсоновское понимание *double-bind* в движущую силу самоусложняющейся системы: в работе Элиаса, как и в новелле, из *double-bind* оказывается возможным двоякий выход: гибнет тот, кто поддается животной (т. е. объективирующей других) стратегии самосохранения, и спасается тот, которому удается осуществить разрыв с нею. Этот образ хорошо дает понять, что, в отличие от Бейтсона, у Элиаса, как сказал бы Гегель, «противоречием дело не может закончиться и что оно (противоречие) снимает себя само через себя» (Гегель, Столпнер, 1974: 280), т. е. Элиас и Ильенков движутся в гомологии, потому что движутся по гегелевским линиям. Тяготения к ним Элиас не мог не перенять у своего учителя, гегельянца К. Манхейма, дружбу с которым он пронес через всю жизнь и для которого «точка зрения Гегеля заслуживает того, чтобы о ней помнили, в силу его коллективистского, потенциально социологического понимания природы идей» (Манхейм, 2010: 70).

Первую фазу этой эволюции характеризует стремление социологически объяснить, главным образом, зло в человеке, вскрыть законы социального производства зла. Такие сложные регистры, как творческая способность, нравственная «человеческая „способность отличать правильное от неправильного“» (Бауман, Кастальский и Рудаков, 2010: 211), объявляется чем-то готовым до социальности, так что

Каждое общество сталкивается с этой способностью в уже готовом виде точно таким же образом, как оно сталкивается с человеческой биологической конституцией, физиологическими потребностями или психологическими склонностями. И оно [...] старается подавить или использовать ее в своих собственных целях (там же: 212).

На логически более искусственной второй фазе «адекватная социологическая теория» ставит себе задачу систематически «определить социальный характер духовных процессов» (Манхейм, 2010: 61) высшей сложности — «в важных событиях или „репрезентативных“ проявлениях культуры» (там же: 62). Самым дерзновенным проектом такого рода является, наверное, элиасовский «Моцарт» (Элиас, Левинсон, 2022) — который и постановкой проблемы, и даже выбором «репрезентативного» события культуры (сюжет о Моцарте появляется в полемике Ильенкова с Дубровским) конвергирует с поисками развернутой в идеальное как «ансамбль общественных отношений» философией Ильенкова. В обоих случаях присутствует запрос на целостный охват *human condition* и в обоих случаях подразумевается, что функцию способной на это «центральной теории» в действительности не обязана выполнять какая-то единственная теория, а вся их совокупность не обязана обитать по месту бюрократической дисциплинарной прописки.

ЛИТЕРАТУРА

- Арендт Х. Банальность зла. Эйхман в Иерусалиме / пер. с англ. С. Кастальского, Н. Рудницкой. — М. : Европа, 2008.
- Бауман З. Актуальность Холокоста / пер. с англ. С. Кастальского, М. Рудакова. — М. : Европа, 2010.
- Бейтсон Г. Экология разума / пер. с англ. Д. Я. Федотова, М. П. Папуша. — М. : Смысл, 2000.
- Бурдьё П. Экономическая антропология. Курс лекций в Коллеж-де-Франс (1992–1993) / пер. с фр. Д. Кралечкина. — М. : Дело РАНХиГС, 2019.
- Бурдьё П., Пассрон К. Воспроизводство. Элементы теории системы образования / пер. с фр. Н. А. Шматко. — М. : Просвещение, 2007.
- Гегель Г. В. Ф. Наука логики. В 3 т. Т. 3 / под ред. А. П. Огурцова, М. И. Иткина ; пер. с нем. Б. Г. Столшнера. — М. : Мысль, 1972.
- Гегель Г. В. Ф. Энциклопедия философских наук. В 3 т. Т. 1. Наука логики / под ред. Е. П. Ситковского ; пер. с нем. Б. Г. Столшнера. — М. : Мысль, 1974.
- Гегель Г. В. Ф. Философия права / пер. с нем. Б. Г. Столшнера, М. И. Левиной. — М. : Мысль, 1990.
- Гофман И. Тотальные институты / пер. с англ. А. Салина. — М. : Элементарные формы, 2019.
- Зимбардо Ф. Эффект Люцифера / пер. с англ. А. Стативки. — М. : Альпина нон-фикшн, 2013.

- Иващук О. Ф.* Гегель о философской потребности и философская потребность его времени // *Nomothetika : Философия. Социология. Право.* — 2020. — Т. 45, № 3. — С. 400–411.
- Ильенков Э. В.* Философия и культура. — М. : Политиздат, 1991.
- Ильенков Э. В.* К разговору о Мещерякове // *Школа должна учить мыслить : учебно-методическое пособие.* — М. : Московский психолого-социальный институт, 2009. — С. 95–106.
- Лернер М. З.* Мои воспоминания о профессорах И. А. Соколянском и А. И. Мещерякове / Музей Института коррекционной педагогики. — 2000. — URL: <https://museum.ikprao.ru/> (дата обр. 25 июня 2023).
- Мангейм К.* Избранное : Диагноз нашего времени : пер. с нем. — М. : РАО Говорящая книга, 2010.
- Мещеряков А. И.* Как формируется человеческая психика при отсутствии зрения, слуха и речи // *Вопросы философии.* — 1968. — № 9. — С. 109–118.
- Милгрэм С.* Подчинение авторитету. Научный взгляд на власть и мораль / пер. Г. Ястребова. — М. : Альпина нон-фикшн, 2016.
- По Э.* Низвержение в Мальстрем / пер. с англ. М. Богословской // *Стихотворения. Проза.* — М. : Художественная литература, 1976. — С. 316–330.
- Элиас Н.* Моцарт. К социологии одного гения / пер. с нем. К. Левинсона. — М. : НЛО, 2022.
- Elias N.* The Collected Works of Norbert Elias. In 18 vols. Vol. 8. Involvement and Detachment / ed. by S. Quilley. — Dublin : University College Dublin Press, 1987.
- Elias N.* Gesammelte Schriften. In 19 Bde. Bd. 12. Mozart. Zur Soziologie eines Genies. — Amsterdam : Suhrkamp, 2005.
- Elias N.* The Collected Works of Norbert Elias. In 18 vols. Vol. 5. What is Sociology? / ed. by S. Quilley. — Dublin : University College Dublin Press, 2012.
- Gibney P.* The Double Bind Theory : Still Crazy-Making After All These Years // *Psychotherapy in Australia.* — 2006. — Vol. 12, no. 3. — P. 48–55.
- Loyal S., Quilley S.* The Sociology of Norbert Elias. — New York : Cambridge University Press, 2004.
- Mennell S.* Sociogenesis and Psychogenesis : Norbert Elias's Historical Social Psychology as a Research Tradition in Comparative Sociology // *Comparative Sociology.* — 2015. — Vol. 14, no. 4. — P. 548–564.
- Russel B.* The Philosophy of Logical Atomism. — London, New York : Routledge Classics, 2010.

Ivashchuk, O. F. 2024. "Double-bind kak funktsional'nyy ekvivalent protivorechiya v metodologii sotsial'nykh issledovaniy [The Double-bind as the Functional Equivalent of Contradiction in Social Research Methodology]" [in Russian]. *Filosofiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki [Philosophy. Journal of the Higher School of Economics]* 8 (2), 183–201.

OLGA IVASHCHUK

DOCTOR OF LETTERS IN PHILOSOPHY
PROFESSOR

RUSSIAN PRESIDENTIAL ACADEMY OF NATIONAL ECONOMY AND PUBLIC ADMINISTRATION (MOSCOW, RUSSIA); ORCID: 0000-0002-9383-9141

THE DOUBLE-BIND AS THE FUNCTIONAL EQUIVALENT OF CONTRADICTION IN SOCIAL RESEARCH METHODOLOGY

Submitted: July 13, 2023. Reviewed: Dec. 30, 2023. Accepted: Apr. 10, 2024.

Abstract: The article attempts to compare two methodological figures whose core is logical contradiction: *double-bind*, introduced by G. Bateson, which appeals to Russell's theory of types, and Hegel's logical form of contradiction, working with which assumes a culture of movement within contradiction and the skill of resolving it. Both methods proved very productive in a wide range of anti-Weberian socio-anthropological studies of the twentieth century in the West and in Russia, and both were enacted at a crucial moment in modeling such complex phenomena as mental pathology (G. Bateson) / education of the deaf-blind (Mescheryakov-Ilyenkov), creativity (N. Elias) / E. Ilyenkov, social power relations linking human individuals as having a social nature (the concept of "aperto homine" by N. Elias, Marx's in origin / also initially by Marx, the "ensemble of social relations" by E. Ilyenkov / the ambiguity of practices of presenting oneself to others by I. Hoffmann / the contradictory nature of the ideal as a concept by Ilyenkov). Analyzing the methods of research work that are prescribed by the double-bind or contradiction as a philosophical category, the author traces what divergence at the "output" the difference of these approaches leads to at the "input". The decisive difference is that a methodology that treats *double-bind* only negatively limits its analysis to the mechanisms of social production of evil, while a methodology of contradiction resolution demonstrates the ability to raise and address questions about the social production of creative individuality or high cultural patterns.

Keywords: Homines Aperti, Double-bind, Power-balance, Contradiction, Schizophrenia, Typhlo-Surdopedagogy, Power of Fudgment, Talent, Creativity.

DOI: 10.17323/2587-8719-2024-2-183-201.

REFERENCES

- Arendt, H. 2008. *Banal'nost' zla. Eykhman v Iyerusalime [Eichmann in Jerusalem. A Report on the Banality of Evil]* [in Russian]. Trans. from the English by S. Kastal'skiy and N. Rudnitskaya. Moskva [Moscow]: Yevropa.
- Bateson, G. 2000. *Ekologiya razuma [Steps to an Ecology of Mind]* [in Russian]. Trans. from the English by D. Ya. Fedotov and M. P. Papush. Moskva [Moscow]: Smysl.
- Bauman, Z. 2010. *Aktual'nost' Kholokosta [Modernity and the Holocaust]* [in Russian]. Trans. from the English by S. Kastal'skiy and M. Rudakov. Moskva [Moscow]: Yevropa [Europe].

- Bourdieu, P. 2019. *Ekonomicheskaya antropologiya. Kurs lektsiy v Kollezh-de-Frans (1992–1993)* [*Anthropologie économique Cours au Collège de France (1992–1993)*] [in Russian]. Trans. from the French by D. Kralachkin. Moskva [Moscow]: Delo RANKhiGS.
- Bourdieu, P., and J.-C. Passeron. 2007. *Vosproizvodstvo. Elementy teorii sistemy obrazovaniya* [*La reproduction éléments pour une théorie du système d'enseignement*] [in Russian]. Trans. from the French by N. A. Shmatko. Moskva [Moscow]: Prosveshcheniye.
- Elias, N. 1987. *Involvement and Detachment*. Vol. 8 of *The Collected Works of Norbert Elias*, ed. by S. Quilley. 18 vols. Dublin: University College Dublin Press.
- . 2005. *Mozart. Zur Soziologie eines Genies* [in German]. Vol. 12 of *Gesammelte Schriften*. 19 vols. Amsterdam: Suhrkamp.
- . 2012. *What is Sociology?*. Vol. 5 of *The Collected Works of Norbert Elias*, ed. by S. Quilley. 18 vols. Dublin: University College Dublin Press.
- . 2022. *Motsart. K sotsiologii odnogo geniya* [*Mozart. Zur Soziologie eines Genies*] [in Russian]. Trans. from the German by K. Levinson. Moskva [Moscow]: NLO.
- Gibney, P. 2006. “The Double Bind Theory: Still Crazy-Making After All These Years.” *Psychotherapy in Australia* 12 (3): 48–55.
- Goffman, E. 2019. *Total'nyye instituty* [*Asylums*] [in Russian]. Trans. from the English by A. Salin. Moskva [Moscow]: Elementarnyye formy [Elementary Forms Press].
- Hegel, G. W. F. 1972. [in Russian]. Vol. 3 of *Nauka logiki* [*Die Wissenschaft der Logik*], ed. by A. P. Ogurtsov and M. I. Itkin, trans. from the German by B. G. Stolpner. 3 vols. Moskva [Moscow]: Mysl'.
- . 1974. *Nauka logiki* [*Die Wissenschaft der Logik*] [in Russian]. Vol. 1 of *Entsiklopediya filosofskikh nauk* [*Encyclopädie der philosophischen Wissenschaften im Grundrisse*], ed. by Ye. P. Sitkovskiy, trans. from the German by B. G. Stolpner. 3 vols. Moskva [Moscow]: Mysl'.
- . 1990. *Filosofiya prava* [*Grundlinien der Philosophie des Rechts*] [in Russian]. Trans. from the German by B. G. Stolpner and M. I. Levina. Moskva [Moscow]: Mysl'.
- Il'yenkov, E. V. 1991. *Filosofiya i kul'tura* [*Philosophy and Culture*] [in Russian]. Moskva [Moscow]: Politizdat.
- . 2009. “K razgovoru o Meshcheryakove [Contribution to a Conversation About Meshcheryakov]” [in Russian]. In *Shkola dolzhna učit' myslit'* [*The School Should Teach to Think*]: *uchebno-metodicheskoye posobiye* [*An Educational and Methodical Manual*], 95–106. Moskva [Moscow]: Moskovskiy psikhologo-sotsial'nyy institut [Moscow Psychological & Social Institute].
- Ivashchuk, O. F. 2020. “Gegel' o filosofskoy potrebnosti i filosofskaya potrebnost' yego vremeni [Hegel About the Philosophical Need and the Philosophical Need of His Time]” [in Russian]. *Nomothetika* [*Nomothetika*]: *Filosofiya. Sotsiologiya. Pravo* [*Philosophy. Sociology. Law*] 45 (3): 400–411.
- Lerner, M. Z. 2000. “Moi vospominaniya o professorakh I. A. Sokolyanskom i A. I. Meshcheryakove [My Memories of Professors I. A. Sokolyansky and A. I. Meshcheryakov]” [in Russian]. Muzei Instituta korrektsionnoy pedagogiki [Institute of Correctional Pedagogy Museum]. Accessed June 25, 2023. <https://museum.ikprao.ru/>.
- Loyal, St., and St. Quilley. 2004. *The Sociology of Norbert Elias*. New York: Cambridge University Press.
- Mannheim, K. 2010. *Izbrannoye* [*Selected Works*]: *Diagnoz nashogo vremeni* [*Diagnosis of Our Time*] [in Russian]. Moskva [Moscow]: RAO Govoryashchaya kniga [Speaking Book Publishing].

- Mennell, S. 2015. "Sociogenesis and Psychogenesis: Norbert Elias's Historical Social Psychology as a Research Tradition in Comparative Sociology." *Comparative Sociology* 14 (4): 548–564.
- Meshcheryakov, A. I. 1968. "Kak formiruyet-sya chelovecheskaya psikhika pri ot-sut-stvii zreniya, slukha i rechi [How the Human Psyche is Formed in the Absence of Vision, Hearing and Speech]" [in Russian]. *Voprosy filosofii*, no. 9, 109–118.
- Milgram, S. 2016. *Podchineniye avtoritetu. Nauchnyy vzglyad na vlast' i moral' [Obedience to Authority]* [in Russian]. Trans. by G. Yastrebov. Moskva [Moscow]: Al'pina non-fikshn.
- Poe, E. 1976. "Nizverzheniye v Mal'strem [A Descent Into the Maelström]" [in Russian]. In *Stikhotvoreniya. Proza [Poems. Prose]*, trans. from the English by M. Bogoslovskaya, 316–330. Moskva [Moscow]: Khudozhestvennaya literatura.
- Russel, B. 2010. *The Philosophy of Logical Atomism*. London and New York: Routledge Classics.
- Zimbardo, Ph. 2013. *Effekt Lyutsifera [The Lucifer Effect: Understanding How Good People Turn Evil]* [in Russian]. Trans. from the English by A. Stativka. Moskva [Moscow]: Al'pina non-fikshn.